

Одинцов М.И.
Декларация митрополита Сергия от 29
июля 1927 г. и борьба вокруг нее

Отечественная история, 1992, № 6.
[123] — конец страницы.
Разрядка заменена подчеркиванием.
OCR OIva.

Вступительная статья

Вторая половина 20-х гг. XX столетия — период наиболее сложный и драматичный в истории русского православия и вместе с тем малоисследованный, таящий еще немало загадок. Одна из них связана с посланием к пастве Нижегородского митрополита Сергия (Страгородского, 1867—1944) от 29 июля 1927 г. В церковных и светских кругах по отношению к этому документу засвидетельствованы три основные точки зрения. Одни считали, что Послание, или, как его стали называть, Декларация, явилось результатом определенного компромисса, хотя и временного и непрочного, между государством и церковью, другие видели в нем лишь «акт предательства» интересов церкви, третьи подчеркивали вынужденность этого шага со стороны церкви.

Вступление митрополита Сергия в переговоры с властными структурами о легализации (юридическом признании) центральных и местных органов церковного управления имеет определенную предысторию, связанную с действиями патриарха Тихона (1865—1925) в последние годы его жизни.

Еще в 1922—1923 гг. рассмотрение вопроса о регистрации органов церковного управления, юрисдикция которых распространялась на одну из республик или СССР в целом, было возложено на специальную комиссию Наркомата внутренних дел (НКВД) РСФСР с участием в ней представителей Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Одним из главных условий положительного решения было выяснение «политического лица» организации. Как правило, это достигалось посредством выражения в заявлении о регистрации позиций относительно государственного и общественного строя республики или Союза ССР. С такими заявлениями в свое время выступили представители мусульманских, «обновленческих» и отдельных протестантских организаций. На этом основании была официально разрешена деятельность их центральных органов управления.

В 1923—1925 гг. усилия в том же направлении предпринимал и патриарх Тихон. В обращениях к правительству и в другие государственные органы РСФСР и СССР он подчеркивал, что церковь отказалась от какой-либо «политики» в своей деятельности, лояльна к советской власти, признает для

себя обязательным декрет об отделении церкви от государства и соответствующую статью Конституции РСФСР о «свободе совести»¹⁾. В конце февраля 1925 г. патриарх обратился с заявлением в НКВД о регистрации Священного Синода, но 7 апреля Тихон умер и вопрос о легализации остался нерешенным.

В завещании патриарха в качестве возможных кандидатов на пост местоблюстителя патриаршего престола были названы митрополит Казанский Кирилл, митрополит Ярославский Агафангел и митрополит Крутицкий Петр. Первые двое находились под арестом и потому иерархи, собравшиеся в Донском монастыре Москвы на похороны патриарха, единодушно приняли решение о вступлении в должность местоблюстителя митрополита Петра. Но уже в декабре 1925 г. и он был арестован по подозрению в «политической неблагонадежности» и выслан в Сибирь. Незадолго до ареста Петр на случай непредвиденных обстоятельств назначил себе трех заместителей — митрополита Нижегородского Сергия, митрополита Киевского Михаила и архиепископа Ростовского Иосифа.

Тотчас приступить к исполнению своих новых обязанностей митрополит Сергий не смог. Сначала с претензиями на власть в церкви выступила группа иерархов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием, а затем — митрополит Ярославский Агафангел. К тому же сам Сергий в течение первого полугодия 1926 г. дважды заключался в тюрьму. Лишь после освобождения в июне 1926 г. при поддержке епископата и митрополита Крутицкого Петра Сергий смог приступить к исполнению обязанностей заместителя местоблюстителя. В качестве первоочередного шага он тотчас же наметил созыв Священного Синода — центрального органа церковного управления. Но для того, чтобы этот орган приступил к легальной деятельности, требовалась регистрация, с просьбой о которой Сергий и обратился в НКВД. Позиция митрополита была сформулирована в переданных им туда документах. Один из них содержал изложение предполагаемой организационной деятельности «староцерковников» (см. док. № 1). Другой представлял собой проект послания к пастве, с которым он намеревался обратиться вместе с «единомысленными» епископами (см. док. № 2). Основные темы обоих документов — подтверждение преемственности курса лояльности к власти, призыв к «законопослушанию», осуждение [123] «политиканства» карловацкого духовенства, просьба о легализации органов церковного управления.

Заложенные в проекте послания идеи носились в воздухе. К примеру, иерархи, находившиеся в заключении в Соловецком лагере, в специальной записке «К Правительству СССР»²⁾ от 7 июня 1926 г., т. е. не зная еще текста проекта послания митрополита Сергия, признавали необходимым «положить конец прискорбным недоразумениям между церковью и советской властью», строить их взаимоотношения на принципе отделения церкви от государства, лояльности верующих и духовенства к гражданской власти. Хотя одновременно в записке и указывалось, что между государством и церковью сохраняются «глубокие расхождения в самых основах мирозерцания».

Положительно отнеслась к документам митрополита Сергия и русская эмиграция. Архиерейский Синод Русской церкви за границей, рассматривая их на своем заседании в сентябре 1926 г., отмечал: «В послании митрополита Сергия мы имеем совершенно свободное (едва ли не первое за 5 лет) письменное выражение воли высшей церковной власти, для нас вполне обязательной». А потому предлагалось «принять его к сведению и исполнению». Никем тогда не оспаривалось и право Сергия на исполнение обязанностей заместителя патриаршего местоблюстителя.

Начиная с лета 1926 г. митрополит Сергий вел трудные переговоры с ОГПУ и НКВД. Временами казалось, что достигнуть какого-либо компромисса вообще не удастся. Особенно трудным был вопрос о власти в церкви. Сергий настаивал на проведении Поместного собора для избрания патриарха. И с разрешением властей на созыв Собора увязывал остальное: заявление от имени церкви о лояльности, о нормализации отношений с государством. Но такая постановка вопроса встречала откровенное неприятие со стороны советской власти. Сергию было заявлено, что созыв Собора и избрание патриарха возможны не до, а после принятия церковью предъявляемых ей условий легализации.

В сложившейся ситуации Сергий по согласованию с другими иерархами стремился найти способ «обойти» власть: избрать патриарха путем письменного опроса иерархов, в том числе и находившихся в заключении, поставив тем самым ее перед свершившимся фактом. К ноябрю 1926 г. были получены ответы более семидесяти опрошенных иерархов. Большинство высказались за митрополита Казанского Кирилла. Но довести дело до конца не удалось. ОГПУ напало на след, пошли аресты по делу «контрреволюционной группы, возглавляемой митрополитом Сергием».

В декабре был арестован и сам митрополит. В его отсутствие обязанности заместителя местоблюстителя временно взял на себя митрополит Иосиф. Опасаясь ареста, и он назначил себе трех заместителей. Таким образом, к началу 1927 г. ситуация в высшем церковном управлении оказалась запутанной и сложноразрешимой. Известны были имена 13 иерархов, претендовавших на «главенство». Значительная же часть епископата находилась в тюрьме. Сама же церковь раздиралась внутренними противоречиями и расколами, из которых каждый хотел называться «истинною» церковью. Митрополит Сергий и в тюрьме оставался в центре внимания ОГПУ. На тот момент он рассматривался как единственный авторитетный лидер, могущий «собрать» патриаршую церковь и от ее имени заявить о лояльной политической позиции церкви в отношении советской власти. Своеобразно понимаемую нормализацию государственно-церковных отношений коммунистический режим рассматривал как важную политическую задачу, решение которой демонстрировало бы и внутри страны, и за рубежом «успехи» десятилетнего строительства нового общества в СССР. Если бы в самой церкви не было разобщения и борьбы, Сергий на переговорах мог бы выдвигать и отстаивать более благоприятные условия, чем те, которые ему диктовались. Но в сложившейся обстановке митрополиту лишь оставалось надеяться на выполнение данных ему обещаний.

Среди них главным было — разрешить скорейший созыв Поместного собора. Все это прекрасно понимал митрополит Сергей, как и то, что спасти церковь со всем ее богослужебным укладом, местными и центральными органами управления, спасти от поглощения «обновленчеством», спасти как цельный институт могло лишь одно — урегулирование отношений с государством на выдвигаемых с его стороны условиях. Нельзя ему было не считаться и с еще одним фактором: политические симпатии рядовой массы верующих были в основном на стороне советской власти. И если бы церковь игнорировала этот факт, то противопоставила бы себя и властным структурам, и своей многомиллионной пастве. И вот в этой ситуации Сергей, как и ранее патриарх Тихон, не уклонился от тяжкого жребия, посланного и ему судьбой.

В марте 1927 г. Сергей был освобожден из тюрьмы. Ему позволили жить в Москве. Весна и лето ушли на то, чтобы завершить с учетом мнения епископата работу над проектом прошлогоднего обращения к пастве. Тогда же он получает разрешение НКВД на проведение совещания епископов, образование [124] Синода и открытие его действий (см. документы № 3, 4). С мая по указанию Сергия на местах де-факто создаются епархиальные управления «тихоновской» ориентации.

29 июля 1927 г. Декларация подписывается митрополитом Сергием и восемью членами Временного патриаршего Синода, а затем, 19 августа, публикуется в газете «Известия» и в виде листовок распространяется по епархиям. Сравнение с проектом от 10 июня 1926 г. убеждает, что в Декларации были сохранены принципиальные его положения, но имелись и некоторые коррективы. Более развернуто дано положение о «законопослушности» верующих и об отношении церковного руководства к правительству СССР, резко оценивается деятельность «карловчан». Не столь в категоричной форме приведены рассуждения о «противоречиях» между «православными» и «коммунистами-большевиками» (см. док. № 5).

Среди епископата, клира и верующих Декларация вызвала разные отклики. Епископат разделился постепенно на три группы. Одна резко осудила Сергия и потому пошла с ним на разрыв³¹. Другая, хотя публично и не протестовала, но уклонялась от сотрудничества с митрополитом, отказываясь от новых назначений и просясь «на покой» и в отпуску под благовидными предложениями. Третья группа, объединявшая почти половину епископата, поддержала Декларацию. Представление о причинах и основаниях такой позиции, разделявшейся многими авторитетными деятелями церкви, может дать листовка-послание архиепископа Псковского Феофана, распространявшаяся на территории епархии (см. док. № 6).

Сам Сергей в переписке и переговорах с «несогласными» неоднократно разъяснял и отстаивал свою позицию. К сожалению, но сохранились лишь немногие свидетельства этому. Одно из них — ответ делегации Петроградской епархии, посетившей Сергия после опубликования Декларации и требовавшей отказа от нее. В нем есть и такие слова: «Отказаться от курса церковной

политики, который я признал правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам Церкви, было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно» (см. док. № 7).

Конечно, среди «поддержавших» были и те, кто указывал на определенную неполноту и недосказанность послания, даже выражал несогласие с какими-то его положениями. В наиболее полном виде эти «претензии» нашли отражение в послании иерархов из Соловецкого лагеря (см. док. № 8).

В просмотренных нами фондах ГАРФ не выявлены заявления или обращения рядовых верующих, отвергающих Декларацию. Наоборот, имеются письма, в которых содержится одобрение основных идей Декларации и сама она рассматривается как окончание, полное и безоговорочное, периода неурегулированности отношений между церковью и государством, как выражение политических настроений, отвечающих интересам верующих граждан.

Жаркие и резкие споры вызвала Декларация и среди русской эмиграции, расколотив на два враждующих лагеря. Они были едины в неприятии большевизма и жаждали падения «Совдепии», но по-разному представляли будущее политическое и общественное устройство России: монархия или буржуазная республика, по-разному относились к идее и возможности новой интервенции против Советской России. Каждая из сторон стремилась опереться на церковные структуры, образовавшиеся на Западе, в которых они видели своих возможных союзников. С публикацией Декларации обострились отношения и между различными группами церковной общественности, примыкавшими к различным политическим группировкам.

Митрополит Евлогий, управляющий русскими православными приходами в Западной Европе, ориентировался на сохранение связи с Московской патриархией, стремился избежать проникновения на церковный амвон «политики». Он и его сторонники восприняли Декларацию как логическое продолжение действий патриарха Тихона, направленных на урегулирование отношений с государством. Но и здесь ее обсуждение не проходило тихо и мирно, о чем свидетельствуют письма Г. Федотова, Д. Мережковского и З. Гиппиус митрополиту Евлогию (см. док. № 9, 10). Полемика выплеснулась и на страницы различных эмигрантских изданий: газет «Руль», «Последние новости», «Россия», листовок, обращений, воззваний, журналов и сборников. Единодушие проявилось лишь в том, чтобы не давать подписки о лояльности по отношению к советской власти, которую требовал от заграничного духовенства Сергей. По поводу же Декларации и ее значения как для православной церкви в СССР, так и за рубежом высказывались диаметрально противоположные суждения (см. док. № 11, 12) В защиту митрополита Сергея известный философ Н. А. Бердяев написал специальную статью, завершив ее такими словами: «Практически пойти навстречу призыву митрополита Сергея — значит отныне совершенно прекратить в зарубежной церкви великокняжеские и царские молебны, носящие характер политических демонстраций (само собой

разумеется, что панихиду по каждом отдельном [125] человеке церковь должна служить, будь он царь или крестьянин), что не должны быть допускаемы проповеди в церквях или речи на епархиальных съездах, которые носят политический характер. Это есть ликвидация в зарубежной церкви периода, связанного с гражданской войной. На этот путь уже вступил митрополит Евлогий, и этот путь должен быть завершен. И этим церковь лишь освободится от тех соглашений и компромиссов, к которым она была вынуждена в прошлом. И это будет нашим духовным возвращением на Родину».⁴⁾

Черту под обсуждением Декларации подвело послание митрополита Евлогия митрополиту Сергию, в котором он, отвергнув требование дать подписку о лояльности, заявил о сохранении курса на «невмешательство церкви в политическую жизнь» и прочной организационной и духовной связи с Московской патриархией, обязавшись «не допускать, чтобы в подведомственных... храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну»⁵⁾. К слову, позицию Евлогия разделили и некоторые другие зарубежные иерархи, например, митрополит Литовский Елевферий и архиепископ Севастопольский Вениамин.

Иную позицию заняли иерархи Русской церкви за границей. На Архиерейском соборе, собравшемся в сентябре 1927 г., Декларация была категорически отвергнута, и было заявлено о разрыве всех связей с митрополитом Сергием (см. док. № 13). Тогда же митрополит Евлогий был осужден за «раскольническую деятельность», запрещен в священнослужении и отстранен от управления православными приходами в Западной Европе⁶⁾.

Реакция этой части русской церковной эмиграции может быть объяснена, с одной стороны, ее политическим настроением, суть которого заключалась, по определению газеты «Последние новости», «в выступлениях против советской власти как власти светской и в призывах бороться за восстановление в России монархии». С другой стороны, сказалось тяготение митрополита Киевского Антония, главы Зарубежной церкви, к «самостоятельности». Еще летом 1923 г. Синод принял секретное определение о неисполнении указов патриарха Тихона, касавшихся деятельности заграничных приходов. Антоний неоднократно обращался к Тихону с просьбой предоставить «независимость» Зарубежной церкви, т. е. вел дело к фактическому отделению от Московской патриархии. Таким образом, появление Декларации Сергия для этой части православной иерархии стало удобным поводом к открытому разрыву с Московской патриархией и провозглашению своего политического кредо — восстановление монархии в России.

Опубликование митрополитом Сергием Декларации свершилось не только в условиях «церковной разрухи», но и пришлось на тот сложный период, когда в партийно-государственных кругах проявились две тенденции в осуществлении государственной «церковной политики».

За относительное смягчение жесткого курса в отношении церкви выступали, хотя и не всегда последовательно, такие деятели, как М. И. Калинин, П. Г. Смидович, П. А. Красиков, А. И. Рыков, А. В. Луначарский. Иной была позиция И. В. Сталина, Н. И. Бухарина, Е. М. Ярославского, В. М. Молотова. Они ратовали за усиление авторитарного руководства церковью и религиозной жизнью.

Когда шли переговоры с митрополитом Сергием существовало примерное равновесие сил, непосредственно занимавшихся церковной политикой — ВЦИК, НКВД, ОГПУ. Еще возможно было участие религиозных организаций в общественной жизни страны, они могли проявлять инициативу в сфере хозяйственных отношений. Да и динамика количества религиозных объединений еще не приобрела обвального характера. К примеру, на 1 января 1926 г. в РСФСР (без автономных республик) было зарегистрировано 34 796 объединений, в том числе «тихоновских» — 27 126, а на 1 января 1928 г. — соответственно 38 442 и 29 584⁷¹.

Но со второй половины 1927 г. происходит вначале едва заметная, а затем все более очевидная переориентация на всемерное ограничение деятельности религиозных организаций, вытеснение их на периферию общественной жизни, сведение их деятельности лишь до отправления культа в стенах молитвенных зданий.

Этот курс в церковной политике отчетливо проявился в канун принятия Декларации и затем при решении вопроса о регистрации «Сергиевских» епархиальных управлений. Позиция ОГПУ сводилась к следующему: 1) отказывать в официальной регистрации вновь образуемым управлениям и 2) существующие де-факто управления официально не регистрировать, но и не препятствовать их деятельности. Эти положения были положены в основу секретного циркуляра НКВД (см. док № 14).

Очень скоро выявилась и еще одна особенность линии административных органов в отношении православной церкви. Сам термин «регистрация» для НКВД и ОГПУ не нес какого-либо юридического содержания. Центральный аппарат НКВД в переписке со своими местными органами указывал, что [126] этим термином пользовались постольку, поскольку он употреблялся в заявлениях религиозных организаций (см. док. № 15).

Из сказанного с очевидностью следует, что для НКВД и ОГПУ вопрос об отношении к регистрации, т. е. официальному, юридическому признанию органов церковного управления «сергиевской» церкви, был лишь вопросом тактического маневрирования, не менявшим существа их позиции относительно «религии и церкви», окончательно определившейся к 1927—1928 гг. И органы управления, и религиозные общества были в их понимании «контрреволюционными», политически противостоящими социализму. Они не были признаваемы в качестве юридических лиц и были лишь терпимы как неизбежное следствие политической конъюнктуры. Такое зыбкое основание не

могло послужить конструктивному развитию государственно-церковных отношений. И очень скоро, в результате общей переориентации на административно-силовые меры и действия при решении социально-политических и духовно-идеологических проблем советского общества рушится и то непрочное «перемирие» между церковью и государством, которое, казалось, было достигнуто на принципах, заложенных в Декларации митрополита Сергия.

Представленные ниже материалы, хранящиеся в основном в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), конечно, не исчерпывают всего корпуса архивных документов, которые могут пролить свет на развитие государственно-церковных отношений в советский период истории нашего Отечества. Но и они, думается, обогатят наши представления об обстоятельствах, причинах и условиях появления Декларации митрополита Сергия, об отношении к ней духовенства и верующих в Союзе ССР, а также тех, кто эмигрировал в годы гражданской войны и вскоре после нее, об отношениях между Советским государством и церковью.

---

¹⁾ Послания, воззвания и письма патриарха Тихона 1920—1925 гг. опубликованы, большей частью впервые, в сборнике: Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М.: Мысль, 1989. С. 292-331.

²⁾ Записку подписали 17 иерархов во главе с архиепископом Вере́йским Иларионом и направили ее в правительство и в Московскую патриархию. Сведениями о реакции властей автор не располагает.

³⁾ Точка зрения этой части епископата подробно изложена в книге: Польский М. Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948.

⁴⁾ Последние новости (Париж). 1927. 13 сентября. См. также: Наука и религия. 1991. № 4. С. 6-7.

⁵⁾ Последние новости. 1927. 16 сентября.

⁶⁾ В специальном указе митрополита Сергия действия в отношении митрополита Евлогия были признаны неканоническими и он оставался управляющим православными приходами в Западной Европе. В отношении же Карловацкого Синода Сергей занял позицию терпеливого «увещевания» и «разъяснения» неправильности его действий. И лишь в 1934 г. иерархи и клирики были запрещены в священнослужении.

⁷⁾ Последние новости. 1927. 2 сентября.